

глава восьмая

БРАТ ДИКАРЬ

ФОРТ ОРД, шт. Калифорния

май 1961 – сентябрь 1962

***«Он очень милая женщина и, я полагаю, хорошая мать,
но, как ты говоришь, на нее иногда находит»***

- Джими Хендрикс в письме своему отцу

31 МАЯ 1961 ГОДА Джими Хендрикс прибыл в *Форт Орд*, Калифорния, и начал проходить обучение на тренировочной базе Армии Соединенных Штатов. Во время призыва он попросил место клерка в 101-м авиационном, несмотря на то, что его назначение произойдет только после окончания тренировочного курса. Джими был заброшен в авиационный, как он говорил позже, так как из-за опасности, связанной с прыжками с парашютом, к зарплате добавляли 55 долларов каждый месяц, что было значительной суммой денег для паренька, который только начинал зарабатывать. Он даже как-то помышлял о том, чтобы стать армейским разведчиком, другая крайне опасная военная служба. В его военной карточке, в которой было указано, что через месяц после начала службы он весил 155 фунтов (примерно 70,2 кг. [прим. перевод.]), и был 5 футов и 10 дюймов ростом (примерно 178 см. [прим. перевод.]).

Через несколько лет, Джими расскажет в интервью, что он «сразу же возненавидел службу в армии», но это заявление противоречит одному из писем домой. Во всяком случае в начале он был вполне доволен армейской организацией и ее формальностями, которые диктовали когда принимать пищу, когда стирать и вообще что делать поминутно. Для такого парня, который жил независимой жизнью подростком и который был абсолютно брошенным в детстве, армейская дисциплина пошла исключительно на пользу. По крайней мере, Джими сытно питался трижды в день. Самой полноценной пищей за всю свою жизнь.

Впервые шесть службы месяцев Джими написал Элу массу писем. В своих первых письмах он просил занять денег – он объяснял, что его армейская зарплата будет немного позже и пока он не может обеспечить свои нужды первой необходимости. Однако вскоре его послания стали более содержательными и стали описывать его грусть по дому, а также планы на будущее. Письма Элу стали частыми и более длинными, а в них Джими описывал свои чувства и тоску. В жизнь Джими не было особых событий, которые можно было описывать – он однажды написал отцу, как потерял билет на автобус. Эл отвечал, хотя и не так объемно и не так часто. Кроме того, переписка стала для обоих очень важна и отражала их тесную привязанность, которую испытывают отец и сын. Несмотря на свое замкнутое детство, Джими был чувствительным и еще многого не видел в жизни. Будучи далеко от друзей и семьи, его чувства к дому обострились. Несмотря на множество недостатков своего отца, он очень любил Эла и чувствовал взаимную любовь. Такая привязанность больше проявлялась в их письмах даже больше, чем когда они были вместе.

В первом письме, написанном Джими всего через пять дней после прибытия в *Форт Орд*, он просил выслать ему денег («пожалуйста, если можешь, вышли мне как можно быстрее пару долларов») и приложил список своих расходов («комплект для чистки обуви, 1,70; два замка, по 80 центов каждый»). Он также описывал свои первые впечатления об армейских порядках: «Перед сном мы должны драить бараки. Я просто хочу сообщить тебе, что еще жив, хотя и не совсем. Но, вообще говоря, армия не так уж и

плоха. Здесь вроде не то и не сё, хотя есть свои плюсы и минусы. Все, то есть абсолютно все мои волосы состригли и еще мне надо бриться». Маленькие волосы на лице Джими только начали расти, поэтому бритье как такое было в новинку для восемнадцатилетнего парня. В письме он постарался выразить позитивные нотки, но его тоска по дому была на первом плане. «Несмотря на то, что я здесь всего около недели, кажется, что прошел месяц. Время идет очень медленно».

В следующие два месяца Джими находил время написать домой не реже раза в неделю, а иногда и чаще. Сперва ему сказали, что направят в *Форт Ли*, шт. Вирджиния, в школу машинописцев, но это назначение не состоялось и он с нетерпением ждал отправки в заветный 101-й авиационный. Четвертого августа он закончил обучение в тренировочном лагере с присвоением звания рядового. Его сфотографировали в военной форме за месяц до этого и он послал эту фотографию с новостями о своем продвижении своему отцу, Долорес Холл, Дороти Хардинг и Бетти Джин Морган, с которой он регулярно переписывался. Влечение к своей девушке на расстоянии у него увеличилось. Ее фотография висела над его кроватью и он по-прежнему продолжал говорить о свадьбе. Он даже писал письма матери и бабушке Бетти Джин. По всей видимости, он написал эти письма, чтобы установить связь со своими будущими родственниками, но также и потому, что был одинок, и любые проходящие письма поднимали его дух.

Не прошло и двух месяцев, как он попросил Элла взять у матери Бетти Джин его гитару и прислать ему. Ее доставили только 31 июля и это послужило поводом написать еще одно письмо. В этом особенном письме, на шести страницах, написанном еще на тренировочной базе американской армии, он благодарил отца за чрезвычайно важную для него гитару. Джими извинялся перед Элом, что сразу же не смог написать письмо благодарности «Неделю мы были в не базы, и если заканчиваются марки и бумага, то их негде взять, как у меня и произошло». Гитара, писал Джими «была хорошим знаком. Он освежает мои мысли о тебе и о доме». Он пожаловался, что назначение, которого он ждал восемь недель, под угрозой перенесение на следующий год из-за проблем с его первоначальным назначением во время зачисления в воинские ряды.

Эл недавно разошелся с подругой, Вилен, и Джими при возможности затронул эту тему, чтобы высказать свои соображения на этот счет отцу. «Она по-настоящему милая женщина», – писал он о Вилен, «и я, полагаю, отличная мать, но, как ты сам говоришь, на нее иногда находит. Ей бы только понять, что ты самый лучший из всех, кого она сможет когда-либо встретить. Я знаю только то, что она еще любит тебя, потому что она рассказывала мне, как она много время проводит заботясь о тебе, достаточно для того, что бы я был в ней уверен. И если дело дойдет до меня, то хотелось бф, чтобы Бетти, например, также заботилась обо мне».

Джими писал, что армейская жизнь не повлияла на его личность, но он научился драить бараки. Он сказал, что с нетерпением хочет увидеть новый стереомагнитофон Эла и что, когда приедет домой, то привезет с собой

новых фотографий, сделанных на базе. Он обещал приехать в субботу ночью, если сможет попасть на самолет. Он закончил самыми теплыми словами, которые он только когда-либо ему писал: «Пока ты со мной, у меня все превосходно, потому что ты мой дорогой папочка, которого я всегда люблю... всегда. ... С самой большой любовью в Мире, моему дорогому старине папе, от любящего сына, Джеймс».

Джими закончил это письмо, как и большинство писем в последующие несколько лет – маленьким рисунком своей *Данэлектро*. В своем письме он сослался на предстоящую неделю отпуска, и надеялся вернуться в Сиэтл самолетом. Его отъезд задержался и через неделю он написал еще одно письмо, в котором пояснял, что до сих пор ждет официального приказа. «Некоторые ждут по два, три или четыре дня», – пояснял он, «некоторые недели или может даже месяцы... Ты ощущаешь, что время остановилось, хотя оно и идет». Под «идет» Джими имел в виду, что каждый проходящий день приближает его к окончанию этого трехлетнего мучения. Он был на службе всего два месяца, но уже считал дни, как будто уже скоро собирался покинуть службу. Он закончил письмо несколькими положительными словами: «Меня определили снайпером. Это следующее назначение с винтовкой М-1». Как Джими умудрился получить такую специализацию неизвестно, потому что у него была сильная близорукость. Армейским врачом уже было записано в документах о его плохом зрении и прописаны очки, которые Джими отказывался носить.

Первого сентября Джими наконец получил разрешение на недельный отпуск. Он взял с собой гитару, думая, что в Сиэтле его пригласят на выступление. Однако Джими не удалось достать билет на самолет и поэтому он поехал на автобусе, что означало, что он проведет четыре из семи дней поездке. Когда он вышел из автобуса в Сиэтле, то был свежее выбрит и одет в форму, чтобы показать свою голубую нашивку на рукаве, свидетельствующую о том, что он находится на обучении. «Он был так красив в этой форме», – вспоминал его двоюродный брат Ди Холл. «Он с гордостью ее всем показывал».

Его воссоединение с Элом и Леоном для всех было очень эмоциональным. Эл был горд за то, что Джими носит такую форму, а также он отметил, что за время службы его сын возмужал. Леона же форма поразила, который, кроме этого, был поражен, что его старший брат дал ему пять долларов. Джими посетил тетюшку Долорес, Дороти Хардинг и еще многочисленных старых друзей по соседству, но от приезда он больше всего ожидал встречи с Бетти Джин. Он провел большую часть своего отпуска с ней, а так, что не менее романтично, с ней и ее родителями. «Он сказал моим родителям, что собирался вскоре жениться на мне вскоре после окончания мной школы и что я буду армейской невестой», – вспоминала Бетти Джин. В свой последний день в Сиэтле Джими подарил Бетти Джин шелковую наволочку, которую он привез в Калифорнии. Он сказал, что спал на этой наволочке и каждую ночь думал о ней, несмотря на то, что привилегия спать на таких наволочках доставалась мало кому из солдат. Он написал на

наволочке: «С вечной любовью, навсегда твой, Джеймс Хендрикс, Сентябрь 7, 1961».

В течении сентября Джими и Бетти Джин переписывались практически ежедневно. Когда он несколько дней подряд не отреагировал на ее послания, она посетовала на него, что он отдаляется от нее. «Ты там с кем ошиваешься... Тебе лучше написать мне и оставить этот «сапфир», иначе тебе лучше не возвращаться ко мне». После нескольких гневных писем как это, Джими писал Элли о «перемене эмоциональных настроений своей подружки два или три, иногда четыре раза, по ее словам». Их отношения с Бетти Джин не пошло на пользу то, что он написал ей, что сейчас настолько беден, что не может выслать подарок к ее дню рождения вовремя.

На Хелоувин пришел долгожданный приказ: он был назначен в качестве вспомогательного персонала в 101-ю авиационную дивизию в *Форте Кемпбел*, Кентукки. Он сразу же написал об этой радостной новости в письмах ко всем. У Эла была собственная хорошая новость: Он писал, чтобы сообщить о том, что Леон вернулся из приюта и теперь они вместе. Джими ответил, что был «очень рад» узнать, что его брат и отец воссоединились, и что он понимает, как это быть одиноким: «Это то, что я чувствую, когда начинаю думать о вас, а в остальное время о Бетти». Письмо Джими оканчивалось обещанием «постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы прославить наше имя. Я проявлю себя так, что вся семья Хендриксов будет иметь право носить нашивку «кричащих орлов».

Он прибыл в *Форт Кемпбел* 8 ноября и сразу же написал отцу. В конце письма он сделал зарисовку гитары, но еще добавил маленького парашютиста. Он писал:

Вот я здесь, в точности куда я и хотел попасть. Я в 101-й воздушной. Здесь довольно жесткие условия, но я не жалею, и я не жалею об этом ... все еще. Мы прыгаем с 34-х футовой башни (приблизительно 10 метров [прим. перевод.]) третий день. Это почти здорово... Когда я поднимался по лестнице на верх, аккуратно и медленно, и без страха. Трое парней свалились с верху, когда поднялись туда. Отсюда можно свалиться в любой момент, они только посмотрели вниз и сразу же свалились. Это породило у меня сомнения, когда я тоже туда поднимался. Но я настроился, что должен буду сделать это, что бы ни случилось, и я не свалюсь.

Как только он забрался наверх башни, инструктор обвязал Джими стропами и сбросил его. Джими написал, что трос «щелкнул как кнут» и он приземлился на кучу песка.

Это было новое «испытание». Здесь ничем не занимаются кроме как физической подготовкой и издевательствами вот уже две недели, затем мы идем в школу по прыжкам и попадаем как будто бы в ад. Они заставляют нас уставать до смерти,

третируют и бьют... Они и правда делают искры и половину ребят тогда тоже посбрасывали. Это так они делают мужчин из мальчиков. Я надеюсь поскорее стать мужчиной.

ОДНИМ ДОЖДЛИВЫМ днем Джими был в армейском клубе № 1 *Форта Кемпел*, упражняясь на гитаре, когда другой служащий был поблизости и услышал его игру. В клубе можно было взять инструменты и усилители, и Джими упражнялся, когда не было никаких поручений или если не писал писем.

Когда служащий Билли Кокс услышал музыку, то это было похоже смесь «Бетховена и Джона Ли Хуккера» и он был заинтригован. Кокс вырос в Питсбурге и играл на басу в многочисленных группах. «Это музыка, похожую на которую я никогда прежде не слышал», – вспоминал Кокс. «Я пошел и представился. Это произошло быстро». Кокс подключил бас и присоединился джемовать с Джими. С этой встречи у Кокса и Хендрикса сразу же завязалась дружба как между музыкантами, так и как между людьми, которая продлится почти десятилетие.

Интерес Джими к Коксу, как к товарищу по сцене, возрастал, однако, тот ему стал первым настоящим армейским другом. Он до сих пор был воодушевлен *кричащими орлами*, что в следующем месяце приступил к обучению в парашютной школе, но в тоже время он с Коксом организовали квинтет с тремя другими солдатами. У группы не было имени – их состав все время менялся – но в качестве основы Билли и Джими играли в клубе на базе по выходным. Иногда группа состояла из трех человек, из двух их и барабанщика. В таком случае Джими и Билли разделяли роль вокалиста, и хотя Кокс не особо пел, и эта кратковременная группа стала первой командой, в которой Джими занимал роль фронтмена. Ему не нравился свой голос, но по необходимости приходилось петь.

Форт Кемпел располагался на границе штатов Теннесси и Кентукки, в шестидесяти Миллях от Нешвила. В ближайшем Кларксвилле, шт. Теннесси, был ряд клубов предназначенных для военных, среди которых был *Пинк Лудл*, который стал постоянным местом обитания Джими. Клуб предназначался по большей части для черных клиентов, на Юге Джими впервые столкнулся с настоящим расизмом. Хотя официально в армии не было разделения, все же солдаты группировались по цвету кожи, а за границей расположения большинство заведений для черных были закрыты. Даже музыка была расовой и Южные черные в основном интересовались ритм-н-близом и зажигательный рифф Джими «Луи, Луи» здесь не был востребован. Кокс вспоминал, как Джими стал глубоко интересоваться Албертом Кингом, Слимом Харпо, Мадии Вотерсом, Джимми Ридом, всеми блюзовыми легендами, которые начинали в этих краях.

Этой зимой у Джими наконец появилась возможность парашютировать с самолета. Позже в интервью он рассказывал о переполюющих его эмоциях. «Первый прыжок был просто фантастическим», – сказал он *N.M.E.* «Ты в самолете, и некоторые парни прежде не были на борту самолета. Некоторых рвало». Чего Джими не сказал корреспонденту, так это того, что вместе с его первым прыжком состоялся его первый полет на самолете. Он говорил с восхищением, имитируя звук самолета («самолет делает ‘рррррр’»), и сам прыжок («и за ушами проносятся звуки ‘сшшш’»). Он даже одолжил фотоаппарат и сделал парочку снимков во время прыжков. На обратной стороне снимка одного из ребят он написал: «Все было отлично до приземления, а когда он приземлялся, то шлепнулся как мешок».

В жизни парашютиста есть риск и Джими боялся, что его парашют не раскроется. Он также боялся, но в меньшей степени, что прозвучит сигнал к настоящей войне. Как Джими написал в длинном письме к тетушке Долорес в январе: «Я в лучшей авиационной дивизии: 101-я авиационная. Это самый крутой отряд в мире. Если где-то начнется война, мы там будем одними из первых». В 1962 году, когда Джими писал соей тетке, возросло напряжение у корейской границе, а также в восточной Европе и на Кубе, в местах, где военные действия могли начаться в любой момент. Интенсивно развивался конфликт в юго-восточной Азии и в скором времени американские войска начали участие во Вьетнамской войне. В связи с чем, как парашютист, к началу 1962 года, Джими стал задаваться вопросом, стоит ли того доплата в 55 долларов.

Армейская зарплата Джими стала первой и единственной оплатой в его жизни. Он был повышен до рядового первого класса в январе и по-настоящему заработал право носить нашивку 101-й. после покупки нашивок «кричащих орлов», которые он собирался послать семье, вышло что у него были большие деньги, в первые в жизни. Со своими письмами Бетти он стал посылать ей сберегательных облигаций 25 долларов, что бы показать ее родителям, как он думал, что он способен обеспечить семью. Он сделал снимок в фотостудии и послал его Бетти Джин. На одном снимке он в камуфляже на фоне тропического муляжа. Бетти Джин он также послал поэму с названием «Любимая», которую прикрепил к фотографии. Он подписал «от того, кто будет любить тебя всегда, вечно». Весной 1962 года он приглашал ее несколько раз, пообещал оплатить расходы, приехать к нему и выйти за него замуж. «Он хотел, чтобы я прилетела в Кентуки», – вспоминала она. «Он прислал мне бриллиантовое кольцо в качестве помолвки, а также уже купил обручальное кольцо».

Попытки Джими поговорить с Бетти Джин и ее родителями в самом начале были неудачными. Ее родители настаивали на окончании школы. Эти отказы, однако, больше стимулировали Джими. Возможно, его поступки были проявлением его большой любви к Бетти Джин, а, возможно, это были отчаянные попытки скрасить свое одиночество.

§

К МАРТУ 1962 ГОДА. Даже Бетти отметила, что письма Джими стали приходить реже, а его группа становилась для него на первое место. Его отец отослал ему гитару ранее этой зимой, и вместе с ней и пришитой на видном месте военной формы нашивкой «кричащих орлов», парашютная романтика стала исчезать. Так как интерес к музыке только возрастал, его отношение к армии, которые одно время рос, стал увядать. «Они не позволяли мне заниматься музыкой», – сказал Джими в интервью через несколько лет. Его обучали с различными видами оружия, но в безопасности он себя чувствовал только с гитарой в руках; он до сих пор спел с ней на груди, ребята в отряде считали этой ненормальным, поэтому это обстоятельство стало еще одной причиной, что он здесь был одиночкой.

Только в одном месте он чувствовал себя комфортно – это в одной группе с Били Коксом. Теперь у группы было название – *the Kasuals* – и они потихоньку создавали себе репутацию в округе. У них были выступления по выходным в Нешвиле, и в удаленных военных базах шт. Северной Королины. Джими совсем скоро столкнулся с дискриминацией Юга. Афроамериканские группы, как правило, могли играть только для черной аудитории. «Он говорил и писал мне, что ему здесь было довольно тяжело в черной группе», – рассказывала Бетти Джин. «Он говорил, что видит такое предвзятое отношение в шт. Теннесси, которого никогда не видел в Сиэтле, в том числе широко наблюдаемое в музыкальном бизнесе». Для него также было в новинку встретить здесь намного больше чернокожих женщин, причем таких, которых он никогда не встречал в Сиэтле. Будучи привлекательным и зажигательным на сцене он впервые открыл для себя, что стал популярным среди женщин.

Продолжая играть со своей группой в местных залах их популярность росла, для *the Kasuals* появилась возможность поехать в тур. Только была загвоздка, которая состояла в том, что Джими и Билли были служащие солдаты. Служба Кокса, по крайней мере, подходила к концу. Джими не мог же покинуть армию, так как его ожидала тюрьма за самовольную отлучку. К первому апреля у него прошло всего 10 из 36 месяцев с момента начала службы, но его пребывание здесь становилось невыносимым. Второго апреля он доложил в армейский госпиталь о серьезных проблемах, проблемах интимного характера, о которых ему надо поговорить с психиатром. Джими рассказал невероятную историю о том, что выявил у себя гомосексуальные склонности и стал фантазировать о парнях из его части. Доктор посоветовал отдохнуть Джими.

Его визиты психиатра стали постоянными в апреле и мае. Он говорил доктору, что без остановки мастурбирует и это вошло в привычку. Во время мастурбации в бараке его словили, что было, скорее всего, преднамеренным. Он сказал психиатру, что занимался любовью с одним из солдат. Он сказал,

что не может спать, так как подвергается ночью нападениям. Он говорил, что ночью он постоянно просыпается *мокрым*. Он пожаловался, что потерял (почти 7 кг. [прим. перевод.]) от любви к одному из солдат. Такое сфабрикованное признание было отчаянным шагом, потому что в случае провала его плана, Джими подвергнется солдатской дискриминации. Нет солдата, который хочет прослыть трусом или геем в гомофобной армии. Даже несмотря на болезнь, тебе сделают «темную» (ночное избиение) или получишь шальную пулю. Возможно, чтобы доказать, что он сумасшедший, в этом месяце Джими продал свою гитару солдату из своего блока.

Окончательно, 14 мая, капитан Джон Хелберт провел с Джими заключительный медицинский тест. Когда Джими поступал в армию, то прошел мед комиссию с единственным замечанием «заикание в прошлом». Теперь же, заполняя ту же форму, Джими выявил семь различных недугов, начиная от «боли в груди» и заканчивая «гомосексуальностью». В медицинской карточке Джими капитан Хелберт записал: потеря веса, проблемы со сном, личностные проблемы. Хелберт пропустил один пункт в анкете Джими: когда он призывался в армию, Джими указал в графе профессия «учащийся», несмотря на то, что уже год как не был в школе. После почти годового пребывания в армии он приобрел новую профессию «музыкант».

Армия сдалась. Хелберт рекомендовал Джими покинуть ряды служащих в связи с «гомосексуализмом». Джими никогда не признавал о своей отговорке, даже близким друзьям. Вместо, на вопрос, почему он покинул армию, он всегда рассказывал историю о том, как при двадцать шестом прыжке с парашютом сломал лодыжку. «У меня также заболела спина», – сказал он одному из репортеров. «Он дотрагивался до моей спины и я стонал от боли, наконец он поверил мне и я вышел». На фотографии одного из выступлений *the Kasuals* в июне на его лодыжке повязка; было ли это настоящим повреждением или еще одной уловкой, неизвестно, но в его армейской медицинской карточке нет и намека на проблемы с лодыжкой.

В результате Джими заплатили плюс дополнительные за 21 день неиспользованного отпуска. Его первоначальным планом было отправиться в Сиэтл, жениться на Бетти Джин, найти работу. «Я оказался за воротами Форты Кемпбелл на границе Теннесси-Кентуки с небольшим мешком одежды за плечами и стремя или четырьмя сотнями долларов в кошельке», – пояснил он *Рейв* в 1967 году. «Я собирался назад в Сиэтл, который был так далеко-далеко... Затем я подумал, что нахожусь рядом с Кларксвилем, где можно переночевать и затем утром отправиться домой...».

В Кларксвиле он зашел в джазовый клуб и выпил там. Зетам еще. «В этот день я был очень щедрым», – сказал он *Рейв*. «Я должно быть оплатил счет каждого, кто просил». Он вышел отсюда через пару часов и посчитал оставшиеся деньги. У него осталось 16 долларов, которых не хватит на поездку в Сиэтл. Джими сказал, что его первой мыслью было позвонить отцу и попросить оплатить билет на автобус: «Но я догадывался, что он ответит мне на то, что я скажу, что лишился 400 долларов за один день. Нет. Так не

пойдет. Все, что можно сделать, подумал я, это взять гитару и попробовать найти работу». Джими помнил того парня, которому продал гитару в своем отряде. Он пробрался назад на базу, одолжил «Бетти Джин», и после почти трехмесячной попытки покинуть армию, в результате тайком остался снова ночевать на своей койке.

Билли остался трехмесячный срок службы и их план, что Джими будет где-то неподалеку от Кларксвилля поджидать выхода Билли, чтобы потом быть вместе. У их группы было парочка выступлений на выходных, поэтому Джими надо было где-то просто переночевать, что он делал на протяжении следующих четырех лет своей жизни, ночуя на каких-то кроватях знакомых или подружек, которых встречал в клубах. Этим летом у него завязались отношения с местной девушкой, которую звали Джойс, с которой, по всей вероятности, у него был первый секс. Когда же Кокс наконец демобилизовался в сентябре 1962 года, то они ночевали втроем на кровати в малюсенькой комнатке.

Отношения Джими с Джойс положили конец его мыслям о свадьбе с Бетти Джин. В этом месяце он написал Бетти Джин и сообщил, что не планирует возвращаться в Сиэтл или к ней. Он сразу же выслала ему обручальное кольцо. Идея женитьбы была большой мечтой Джими, но однажды она прошла и он начал открывать плотские удовольствия, это было годами ранее до того, как он снова заговорил об отношениях с одной женщиной.

Даже гитара «Бетти Джин» была забыта. Во времена Кларксвилля Джими приобрел новый *Эпифон Вилшер*, который расписал совместно с Билли Коксом. Заветный инструмент «Бетти Джин», с которым Джими любил на столько, что спал с ним каждую ночь, был продан в местный ломбард.